

Поздно вечером далеко за лесом грустил туман. Ему было одиноко. У него никого не было. Так случается. Иногда.

— Как печально.... Как печально одному...— . вздыхал туман.

Туман разорвался на множество клубочков. Получилось видимо-невидимо легких молочно-белых шаров. Это было очень красиво. Но ничуть не весело. Ведь шары просто висели в воздухе, и никто ими не играл.

Потом туман собрал все свои клубочки, взлетел немного над землей и растянулся в чудесный пушистый ковер. Получился замечательный ковер-самолет. Но печаль все равно осталась. Потому что никто никуда не собирался лететь на этом волшебном ковре.

И тогда туман решил, что ему просто необходимо иметь друга. Иначе он испарится от печали. А это гораздо хуже, чем испариться от солнца. Исчезнуть от солнца туману не страшно: ему ведь полагается таять с первыми солнечными лучами и не появляться до вечера. Но исчезнуть, растаять от печали... Это очень, очень обидно.

Туман снова вздохнул, посмотрел вокруг и увидел тропинку. Тропинка бежала сначала через луг, поросший травой, а потом ныряла в лес.

— Тропинка,— позвал туман мягким, тихим голосом,— тропинка, я очень одинок, стань моим другом.

— Твоим другом?— отозвалась тропинка.— А как мы будем дружить?

— Мы будем замечательно дружить,— ответил туман.— И ты, и я — мы знаем много интересного. Я — потому что могу подняться над землей и все разглядеть. А ты — потому что бежишь далеко, через луг, через лес, и тоже много всего видишь. Вот мы и будем рассказывать друг другу разные разности.

— Это было бы хорошо,— согласилась тропинка,— только уж очень я длинная. Поэтому один мой конец тебя прекрасно слышит, а другой, дальний, еле различает твои слова.

— Не беда,— возразил туман,— смотри!

Он вытянулся в длинную белую ленту и поплыл над тропинкой. Очень скоро лента густого белого тумана скрыла всю тропинку от конца до конца.

— Вот,—сказал туман.—Теперь ты вся должна меня видеть и слышать.

— Точно,— подтвердила тропинка.— Я тебя отлично вижу и слышу. Правда, ты такой густой, что, кроме тебя, я вообще ничего и никого не вижу. Это очень неудобно. Но раз мы друзья — я

потерплю. Давай рассказывать интересные истории. Ты первый.

Но только туман собрался начать свой рассказ, послышался удивленный и недовольный голос. Человеческий голос. Голос лесника, который возвращался из города в свой лесной дом.

— Ничего не понимаю,— ворчал старый лесник.— Шел по знакомой тропинке и вдруг заблудился — туман. Туман спереди, туман сзади. Что за напасть! Ничего не вижу! Где же тропинка? Ну где же тропинка?

— Ой,— заволновалась тропинка,— милый туман! Меня из-за тебя совсем не видно! Я не подумала об этом. А как же без меня дедушка лесник найдет свой дом? Прости меня, туман, но мы не можем быть друзьями. Уходи, пожалуйста.

— Я понимаю,— печально сказал туман.

Белая пышная лента быстро свернулась, тропинка снова стала заметной, а туман снова стал прежним печальным туманным облачком.

Совсем загрустил туман. Вдруг видит — невдалеке что-то белеет. Туман пригляделся, но было темно и плохо видно. Ведь уже ночь наступила. «Интересно,— думал туман,— кто-то белый, и я — белый. Может быть, мы сумеем подружиться?..»

Туман тихо поплыл к тому, кто белел. Оказалось, что это березы. Целая березовая роща. Листва берез терялась в темноте, а кора стволов казалась в лунном свете еще белее.

— Милые березы,— робко сказал туман,— вы так красивы, а я так одинок. Станьте моими друзьями, пожалуйста.

— Мы бы рады, но... Мы бы рады, но... Мы бы рады, но...— прошептали березы по очереди.

— Мы бы рады,— закончила за всех самая красивая береза,— но мы красивы. Ведь ты тоже так считаешь?

— Конечно,— подтвердил туман,— вы очень красивы. Вы прекрасны! Но разве ваша красота мешает нам дружить?

— Да,— сказала самая красивая береза,— мешает. Если мы будем дружить, если пустим тебя в нашу рощу, мы... Мы будто исчезнем. Ты белый, и мы белые. Мы будто растворимся в тебе, и никто не сможет нами любоваться. А зачем тогда наша красота?

— Но,— пробовал спорить туман,— сейчас ночь. Для кого же ваша красота?

— Как?!— заволновались березы.— А ночные мотыльки? А ночные цветы? А ветер ночной?

— А ночь сама?— спросила самая красивая береза и добавила:— Нет, туман, не обижайся, но нам нельзя дружить. Уходи, пожалуйста.

И поплыл печальный туман снова искать друга. А кого? А где? Не знал он. И вдруг видит: в траве что-то маленькое, белое, как клочок тумана, только с длинными ушами и коротеньким хвостиком. «Ну уж с этим маленьким пушистым клубочком я обязательно подружусь. Во что бы то ни стало!» — решил туман.

Он подкрался к ушастому, осторожно, как пушистой шапкой, накрыл его и спросил:

— Ты кто?

— Заяц,— быстро ответил тот и спросил:— А ты?— и добавил:— Я тебя боюсь!

— Заяц! Ну, конечно, ты заяц. Теперь я вижу. А я — туман,— мягко ответил туман.— Ты меня не бойся. Я хочу с тобой дружить. Согласен?

— Согласен. Согласен. Я на все согласен. Потому что я боюсь. Утром начнем дружить.

— Нет, нет, нет,— заволновался туман,— не утром. Сейчас. Утром я расту. Я вообще могу быть только ночью.

— А я ночью так боюсь!!! Боюсь темноты! Боюсь волка! Боюсь просто потому, что боюсь. Так боюсь, что меня, можно считать, почти и нет. А значит, дружить с тобой я не могу,— выпалил заяц.— Извини! Я домой!

Прыгнул заяц в сторону, и не видно его. А туман снова один. «Что же я за несчастный,— заплакал туман (а слезы тумана люди росой называют).— Что же никто со мной не дружит? Почему я никому не нужен?»

Но не долго плакал туман. Скоро услышал он громкое хлопанье сильных крыльев, щелканье

сильного клюва, сердитое уханье. А потом увидел желтые-прежелтые яркие круглые глаза. Глаза то ли сердитые, то ли добрые — сразу не скажешь. Мудрая птица опустилась на ветку старой ели.

— Плачешь?— то ли насмешливо, то ли сочувственно спросила сова и добавила:— Глупый...

— Почему глупый?— вздохнул туман.

— Потому что глупо то, что ты говоришь: «Я никому не нужен». Так не бывает. Не бывает, чтобы кто-то не был нужен, просто необходим, хотя бы кому-то одному на свете,— спокойно сказала сова.

— Ты точно это знаешь?— с надеждой спросил туман.

— Я — сова,— хлопнули желтые глаза,— могу ли я что-то знать не точно?

— И ты знаешь, кому необходим я? Ты поможешь нам стать друзьями?

— Знаю, помогу,— медленно ответила сова и, помолчав, добавила:— Жаль. Жаль, конечно, что ты не сам его нашел. Ну да ладно. Лети за мной.

Сова расправила сильные мягкие крылья и полетела не высоко и не быстро, а туман послушно поплыл за ней. Недолг был их путь. Вот и небольшое озеро, поросшее по берегам зеленой осокой. Послышались тихие звуки: жалуется кто-то, вздыхает, сетует.

— Сова,— позвал туман,— послушай, это озеро жалуется.

— Вот как,— спокойно сказала сова, будто сама не слышала,— вот как.— И она опустилась на ветку старого дерева, что росло возле озера. Туман окружил озеро. А сова спросила:

— О чем вздыхаешь, озеро?

— Ах! Беда, беда, беда у меня,— заволновалось озеро,— я сейчас выйду из берегов. От слез.

— Ты плачешь?— спросила сова.

— Ты плачешь...— вздохнул туман.

— Нет,— ответило озеро,— не я. Плачут мои рыбы, что у меня живут. Они не могут уснуть. Слишком ярко горят звезды. Свет звезд дробится в моей воде, становится еще ярче, слепит рыб, не дает им спать. Вот рыбы и плачут. И столько слез они наплакали, что слезы их и вода моя в берегах у меня не вмещаются. Ах,— волновалось озеро и само чуть не плакало,— жаль мне бедных рыб моих.

— Вот как,— будто бы радушно сказала сова и улетела. А туман? Туман повис над озером и укрыл его плотным пушистым ковром-одеялом. Яркие лучи прекрасных, но немного беззаботных звезд тонули, терялись в клубах тумана и не мешали спать ни одной, даже самой беспокойной рыбке.

— Спасибо тебе,— сказало озеро туману,— спасибо. Ты спас моих рыб и меня. Ты настоящий друг.

— Да нет,— смутился туман.— Спасибо тебе.

— Мне?— очень удивилось озеро.— За что?

— За то, что я тебе нужен,— ответил туман.

Вот и все. Теперь, когда ты увидишь над озером белые клубы тумана, ты поймешь, что все в порядке: рыбы спят, а два друга, туман и озеро, о чем-то беседуют. Или молчат. Но вдвоем.

...Может быть, серьезные ученые назовут эту историю сказкой, выдумкой. Может быть, скажут они, туман совсем не потому стелется над озером. Может быть. Но это не страшно. Я рассказала то, что узнала от озера, тумана и совы.